

Згура Владимир Васильевич

**Проблемы и памятники,
связанные с В.И. Баженовым**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Васильевич З.**
Проблемы и памятники, связанные с В.И. Баженовым / Згура Владимир Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 174 с.

ISBN 978-5-519-85956-1

ISBN 978-5-519-85956-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее исследование не есть монография о Баженове. Оно—и меньше, и больше. Для монографии здесь не хватает множества фактов, материалов, памятников. С другой стороны, постановка проблем 1 части далеко выходит за пределы частной монографии, широко раздвигая рамки и сообщая работе общий интерес для истории русского искусства.

В этом маленьком исследовании я и хотел дать не художественную биографию, даже при самом широком общем фоне, а постановку и посильное разрешение существеннейших историко-стилистических проблем, перекрещивающихся на Баженове, который, таким образом, для нас является призмой, преломляющей главные координаты искусства XVIII в.

Вопросы биографические и художественного быта меня здесь нисколько не интересовали (с ними частично знакомит «Историографическое введение»). Я беру Баженова сначала только как перекресток, с которого открывается вид на три важнейших пути нового русского искусства, затем, как художника, с которым связываются важные моменты художественного развития и замечательные памятники русской архитектуры нового времени. Это потребовало разделение работы на две части: общих и частных проблем.

При полной неразработанности стилистических вопросов в истории русского искусства первую часть пришлось посвятить целиком рассмотрению тех трех стилистических явлений—барокко, псевдоготицизм, классицизм, которые определяют и самое творчество Баженова. Три главы, будучи каждая самостоятельной, в то же время продолжают одна другую и намечают путь стилистической эволюции на протяжении почти полутора столетий.

В нормальных условиях западной науки строить книгу в очерченных рамках не представляло бы особенных затруднений. На основе научно проверенного и истолкованного

фактического материала можно без особых затруднений давать решения художественных проблем и устанавливать общее движение художественного сознания. В условиях русского искусствознания дело значительно усложняется. Ведь если совсем схематически представлять искусствovedческую работу, то ее можно грубо определить двумя словами: фиксирование и объяснение. В первое понятие входит сложная система вспомогательных дисциплин, начиная от художественной топографии и кончая аналитикой памятника. Археологическое обследование, описание, реконструкция, источниковедение и т. п. составляют сложную цепь, протянутую от первого ко второму, определяющую диапазон этой совершенно необходимой работы, без которой мы оказываемся лишенными материала. Вторая из намеченных задач—объяснение, которое должно раскрывать смысл стилистических явлений и художественной эволюции.

Если фиксация у нас вообще стоит не на высоте, то в границах интересующего нас материала (XVIII век) это обстоятельство имеет особую остроту и вызывает даже вопрос: не преждевременно ли начинать по отношению к новой русской архитектуре что-либо помимо фиксации? Это соображение, могущее служить для меня частичным оправданием недочетов предлагаемого исследования, должно все же быть в общем отвергнуто.

Сделать попытку некоторого объяснения фактов русской художественной истории представляется сейчас совершенно необходимым. Если не окончательная система, то хотя бы рабочая гипотеза, толкающая мысль к новым решениям! Сознание чрезвычайной важности рассмотрения коренных проблем заставило взяться за работу. Разумеется, здесь сейчас же не замедлило сказаться неблагоприятное состояние материалов по русскому искусству. Не было возможности пользоваться только готовыми результатами художественно-археологической работы, но и самому пришлось частично производить эту работу, разыскивать некоторые неизвестные памятники. В решении стилистических проблем я старался избегать отвлечений в эту сторону и пользоваться по возможности материалом более или менее критически проверенным. Понятно, что решения проблем, даваемые в первой части, не могут считаться окончательными так же как и все полученные выводы—вполне бесспорными.

Вторая часть предлагаемой работы, посвященная несколькими выдающимся памятникам, отнюдь не является Kunstkatalog'ом.

Для составления полного списка Баженовских произведений потребовалась бы огромная архивная и обследовательская работа, которая намеренно не начиналась, так как я отчетливо знал, что эта многолетняя работа настолько поглотила бы внимание, что всякие мечты об исследовании пришлось бы оставить надолго, если не навсегда. Да и принятый несколько особый тип исследования вовсе этого и не требовал. Здесь прежде всего имелось в виду выяснение некоторых конкретных вопросов атрибуционного характера, имеющих важное принципиальное и историческое значение для русского искусства XVIII века. Мне представлялось целесообразным также дать для истории русской архитектуры несколько неиспользованных или малоизученных памятников, связанных с именем Баженова. Поэтому пришлось отказаться от чисто искусствоведного метода и перейти частично на археологическо-описательный метод. Это создает, может быть, с первого взгляда не полную выдержанность и последовательность всей работы, но избежать этого не было возможности, т. к. иначе для самого Баженова мы остались бы, пожалуй, без каких бы то ни было художественных фактов.

Главным результатом второй части является то, что произведенное изучение памятников и материалов, с ними связанных, позволяет уже с полной безусловностью решить спорный вопрос об авторе знаменитого Пашкова дома и поставить этот последний во главе Баженовского наследия. В результате же рассмотрения нескольких приводимых памятников перед нами встает во всей притягательности яркий облик замечательного художника, к которому мы можем, теперь уже не повторяя механически слова с утерявшимся смыслом, а вполне сознательно, применить эпитет—гениальный. Указанная часть работы должна послужить началом для научного исследования Баженовского творчества, какового еще не производилось, что видно из предпосылаемой всей работе «Историографического введения». Могущая показаться краткость некоторых мест, обусловливается тем, что я стремился к максимальной сжатости изложения, в особенности в первой части, дабы рельефнее оттенить высказываемые мысли.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ БАЖЕНОВА

Как творчество, так и личность Баженова до настоящего времени остаются почти не исследованными. Прежде всего это необходимо иметь ввиду, приступая к работе над интересующим нас мастером.

Тем не менее литературный материал, печатные заметки, упоминания о Баженове отнюдь нельзя назвать скудными. Наоборот, мы имеем довольно обширный список заметок и статей, в которых Баженову уделяется специальное место, где интересующий нас художник является непосредственным объектом внимания авторов.

Чтобы оценить результаты этих многочисленных писаний, разобраться в отношении к художнику в разные времена и, наконец, ознакомиться с характеристикой его творчества, как оно выяснено на нынешний день, необходимо внимательно, шаг за шагом проследить по возможности все о нем написанное вплоть до последнего времени. Это позволит также из старой литературы извлечь кое-что, могущее и для нас послужить в качестве научно ценного материала.

В русском XVIII веке довольно редки случаи прижизненной литературной оценки деятелей изобразительных искусств¹. При сравнительно неразвитой художественной литературе и уклоне интересов, под влиянием Запада, в сторону эстетики, мы имеем совсем незначительное количество современных заметок, посвященных некоторым представителям русского искусства XVIII века. П. Чекалевский, конференц-секретарь Академии Художеств, пожалуй, первый упоминает о некоторых членах Академии и описывает их произведения; среди архитекторов он прежде всего говорит о Баженове: «Мы видели выше сего, читаем мы, что многие, бывшие пенсионеры И. А. Х., сделались отличными художниками в живописи и в скульптуре: самое тоже можно сказать и о пенсионерах, упражнявшихся

в архитектурном искусстве, кои талантами своими приобрели имянитость; а именно: Г. Коллежский Сов. В. И. Б.— Между произведениями его разума, модель Кремлевского дворца привлекает наипаче внимание любителей художеств; сожалительно, что по некоторым обстоятельствам она по ныне не произведена в действо»². При всей своей краткости заметка Чекалевского для нас важна, поскольку она устанавливает определенное отношение к Баженову и высокую его оценку еще при жизни. Упоминание только одной модели Кремлевского дворца объясняется тем воздействием на умы современников, какое имела закладка дворца и вообще грандиозность всей затеи.

В 1804 году, т. е. через пять лет после смерти Баженова, появляется первая заметка, содержащая в себе некоторые элементы художественной биографии. Мы разумеем «Краткое историческое известие о некоторых российских художниках» Ивана Акимова³. Эта заметка, сообщая несколько дат и фактов, непосредственно предшествует той уже в полном смысле слова биографии, которая появилась в следующем году.

В своем «Новом опыте исторического словаря о российских писателях» известный ученый, митрополит Евгений, помещает довольно обстоятельную биографию Баженова, приводящую впервые основные даты, сведения о нем и его художественной деятельности⁴. Отсюда мы узнаем, что Баженов родился в Москве 1 марта 1737 г., получил первоначальное образование в Славяно-Греко-Латинской Академии, а с 1751 г. начал ходить в архитектурную школу Ухтомского. В 1754 г. Баженов записывается в московский Университет, а в 1758 г. отсылается во вновь учрежденную Академию Художеств. До открытия Академии Баженов обучался у Чевакинского. В 1761 г. отправлен в Париж, где обучался у архитектора Дювала. В 1762 г. пожалован ад'юнктом Петербургской Академии и отправлен в Италию. Там же был избран профессором римской и членом флорентийской и болонской Академий. В 1764 г. Баженов снова прибыл в Париж, а в следующем году вернулся в Петербург. Академия не дала Баженову звания профессора, т. к. «встретились обстоятельства и люди, помешавшие получить ему сию честь». Тогда Екатерина II пожаловала его капитаном артиллерии. После неудачных построек Кремлевского Дворца и Царицына цесаревич Павел в 1792 г. вызвал

Баженова для работ в своем ведомстве. При вступлении же на престол пожаловал ему 1000 душ крестьян, чин действительного статского советника, орден Анны 2 ст. и звание Вице-Президента Академии Художеств. Откуда были заимствованы автором все эти сведения, нам остается неизвестным, но они по большей части вызывают доверие, поскольку митр. Евгений оставил о себе память, как о достаточно добросовестном собирателе материалов. Очевидно, он воспользовался подлинными документами и мог получить сведения еще лично от Баженова. В части, касающейся творчества Баженова, митр. Евгений помимо Кремлевского дворца и Царицынских построек указывает и на другие сооружения. «При сем государе (Павле I), говорит автор, он построил Гатчинский и Павловский дворцы, с садами и крепостью; в Кронштате лесные, провиантские и сухарные магазины с печьюми собственного его изобретения, и несколько казарм для морских служителей; в Санкт-Петербурге Инвалидный дом, некоторые училища и многие другие здания. Да и Михайловский Замок проектированный с Генуэзского славного в Европе дворца, начался под его же распоряжением. Ныне по его же проекту и плану с малыми некоторыми отменами, строится Санктпетербургский Казанский собор на подобие Римской соборной церкви св. Апостол Петра и Павла»⁵.

Очевидно, что какая то связь Баженова, если не с названными постройками, то хотя бы самыми строительными предприятиями, существует, но конкретизировать ее пока не удастся. Хотя митр. Евгений и не пытается дать оценку художественной личности Баженова, последняя в его представлении стояла очень высоко. Приведенная биография легла в основу всех последующих сообщений о Баженове и отчасти не потеряла своего значения до настоящего времени, поскольку для нас утрачено кое-что из материалов, которыми мог пользоваться митр. Евгений.

Реймерс в известной книге, *L'Académie Impériale des Beaux-Arts à St. Petersburg depuis son origine jusqu'au règne d' Alexandre I en 1807*. St. Pbg. 1807, список русских художников возглавляет Баженовым, которого называет превосходным архитектором⁶.

В другой книжке, посвященной Академии и принадлежащей перу президента ее А. Оленина, о Баженове только

лишь упоминается⁷. Исключительно интересно то, что находим мы через два года в «Письме к издателю», автора скрывшего свое имя под инициалами «князь А....в»⁸. Совсем бегло останавливаясь на биографических фактах, автор в этом письме сосредоточивает главное свое внимание на критической оценке художника, которого он считает «человеком гениальным и несправедливо забытым»⁹. «Баженов, пишет он, к стыду нашему донныне не оценен по достоинству, или, как я сказал выше, забыт вовсе несправедливо. Многие ли знают труды его, памятники зодчества им созданные, мысль его о преобразовании Зодчества в нашем отечестве и о том, чтобы создать свой Русский вкус, который был бы притом сообразен с нашими потребностями и климатом»¹⁰. Давая общую оценку художника, автор усматривает у него самобытность, чего «нет и не было ни у одного Русского Архитектора». Восторженное преклонение перед описываемым мастером¹¹ доходит до отрицания всех остальных. «Посмотрите, восклицает он, на церкви, на дома, воздвигнутые Баженовым—какая смелость, благородство, величие, прочность дела. Сличите лучшие труды других зодчих—какая бедность воображения, какое жалкое безвкусице!».

К огромному нашему сожалению кн. А-в ни одним словом не обмолвливается о постройках Баженова, повидимому, хорошо ему известных¹². Для изучения Баженова «Письмо» представляет большую важность, главным образом потому, что оно устанавливает принадлежность Баженову «речи на заложение Кремлевского дворца», считавшейся до сих пор Сумароковской¹³. Эта речь вновь же печатается здесь¹⁴, по списку найденному кн. А-вым в бумагах его отца, который «был очень хорошо знаком с Баженовым».

Несомненно, что восторженное отношение к художнику и его возведение на недостижимую высоту, оказали невольное влияние на последующих авторов, ибо рассмотренное письмо пользовалось достаточной известностью¹⁵.

Количество мелких заметок в это время возрастает. Однако, словарные очерки, появившиеся вслед за рассмотренным, не имеют никакого ни научного, ни практического интереса. Статья кн. Д. Эристова для Плюшаровского Лексикона¹⁶, перед тем опубликованная в петербургских газетах¹⁷, всецело заимствована из митрополита

Евгения и при сопоставлении с последним теряет свой смысл, тем более, что оценка Баженова, как художника, могущая нас интересовать с точки зрения выявления отношения к Баженову в 30-х г.г., вовсе отсутствует.

Д. Бантыш-Каменский для своего словаря¹⁸ уже, просто, берет биографию митр. Евгения и с незначительными редакционными изменениями, перепечатывая ее, прямо ссылается на источник.

В сороковых годах Баженову посвящается несколько статей, вносящих нечто новое в сведения о нем.

Так Н. Горчаков напечатал специальную заметку «Кремлевский дворец, модель и закладка его по проекту архитектора Баженова при имп. Екатерины II», где приводит надписи на медных досках, положенных при закладке¹⁹. Интересно указание автора на то, что модель имела некоторое влияние на других архитекторов. «Многие отличнейшие художники и архитекторы, говорит Н. Горчаков, даже и в наше время заимствовали из нее или части фасадных видов, или некоторые отделения внутренних комнат и галлерей. Придворная церковь в той модели служит как бы программю, по которой построены церкви в некоторых благотворительных заведениях в Москве, даже есть несколько и по губерниям, но только в меньшем размере, как это можно видеть в имениях г.г. Мальцова и Викулина в уездах: Брянском и Задонском»²⁰.

В следующем году в Московских Г. Ведомостях²¹, под заголовком «Материалы к биографии академика В. Баженова», печатается «Копия с рапорта Московской Управы Благочиния к главнокомандующему в Москве П. Д. Еропкину. 18 февраля 1790 г. за № 3008», в котором говорится о прошении Баженова разрешить ему открыть у него на дому художественную школу. Никаких разъяснений к этому документу не дается и вопрос о том, была ли открыта школа, остается здесь невыясненным.

Просмотренная литература дает в конце концов очень немного для уяснения художественного наследия Баженова. Именно с этой точки зрения для нас драгоценными являются сведения о Баженове, заключающиеся всего в нескольких строчках примечания, опубликованные известным Снегиревым, заставшим в живых еще многих современников нашего зодчего. В отличие от предыдущих, эти сведения

касаются специально произведений художника, что для нас представляется самым важным. Снегирев без всяких комментариев и описаний в одном из примечаний указывает: «В Москве остались здания строенные Баженовым 1) Юшков дом против Почтамта, 2) Долгова на I Мещанской, недавно перестроенный, 3) Кн. Прозоровской на Полянке, 4) Пашкова дом, 5) Колоколья при церкви Всех Скорбящих Богоматери»²². Указания Снегирева, которые дают отправную точку нашему исследованию, бесспорно не подлежат никакому сомнению и в названных постройках, как это увидим позднее, мы имеем подлинные произведения Баженова.

В опубликованных П. Петровым «Материалах для истории Имп. Академии Художеств» есть несколько документов, относящихся к Баженову²³, но особенно интересны напечатанные в них Баженовские «примечания о Имп. Академии Художеств», представленные на рассмотрение Павла I²⁴. В примечаниях к «Материалам» Петров дает биографию Баженова (стр. 628), излагающую уже известные сведения и привлекающую приводимые им же материалы. Между прочим Петров говорит о существовании у Баженова художественной школы. Он указывает на «множество» построек, производившихся художником в Петербурге.

В 60-х годах освещается вопрос об отношении Баженова к масонству и его роль в Новиковском деле. М. Н. Лонгинов в книге о Новикове²⁵, Н. А. Пыпин в разборе этой книги²⁶ и, наконец, А. Попов в статье «Дело Новикова и его товарищей»²⁷ довольно хорошо выясняют взаимоотношения Баженова с московскими мартинистами и отчасти обрисовывают внутренний облик самого архитектора. Баженов вступил в ложу Новикова при содействии Карачинского в 1774 г. В следующем году он, отправляясь в Петербург, захватывает с собой для передачи наследнику Павлу Петровичу масонские книги. В дальнейшем Баженов имеет еще свидания с наследником, беседует с ним о масонах и составляет об этом письменные доклады. По словам Трубецкого сам Новиков много раз говаривал, что Баженов «фанатик, которому кажутся небылицы»²⁸. Видимо масоны относились к Баженову с некоторой опаской.

Г. Геннади дает первую библиографическую справку о Баженове, в которой перечисляется ряд старых статей и